

Автор представлен членом Художественного совета **Геннадием Банниковым**

Потом слова пошли по головам,
А накануне гладили по шерсти,
Им толкованье - отголосок смерти,
И горловая музыка - сперва,
Легко ей быть, закинутой легко
На потолок неведомого света...
И где-то в звуке сдвиг,
И где-то...
И ты ведома музыкой такой,
Вросла в неё рукой
И впелась в русло...
Древесный гул, свисающий, как люстра,
И голос обнимающих стволов -
Где дерево баньян о сто голов,
Разросшийся в таинственное чувство,
И в каждом горле синевою густо,
И в каждом горле не хватает слов...

Вот бы самой загадать и выбрать,
пойдёшь ли напра-налево – как в сказке сказывается...
Полудня лоснится угловатая глыба,
птицы наверху захлопываются и распластываются.
На середину улицы - туго, словно идёшь по дну -
выберешься, смотришь: чайки апрельско-майские,
впутавшиеся в голубизну,
купное у них чародейство, таинство.

Горла их – горны, музыка им подстать,
крыльями гнутый воздух упруг и густ.
Ах, эта мускулистая высота
и существование наизусть!
Это тебе не оторви да брось –
с картою рек в груди, с компасом в голове,
хоть и почти бумажная снасть и кость,
чтобы легко носить её, не жалеть.

Ноги твои тряпичные – раз и два –
всё твоё человеческое выбирает близь,
верит в миры, картонные до нутра...
Но эти птицы, откуда они взялись?
Всё в тебе электрическое не твоё -
по водам, по воздуху, наобум
чайки ли, гуси-лебеди, белый шум,
ты ли, уловившая эту нить -
что-то такое во сны твои звонит,
что-то тебе сигналист, свистит, поёт,
тянет вперёд по линии силовой,
остальное стелется трын-травой...

Люди люди только тени
Глубины и полноты
Упираются колени
В подбородок высоты
Только завязи свободы
Только семечки зимы
За душой её заботы
Мы немые не мы не мы
Только манные крупинки
Шубы шапки тёмный лес
За углом у той тропинки
Будто в космосе исчез
Только семечки свободы
Распечатав потолок
Только тёмные народы
Бесконечные как Бог

Спасибо Бессону

Есть женская сила, мужская, а есть просто Сила,
Когда я стою ли, лежу Черубиною некрасивой,
Черубиною любимую-нелюбимую,
Стою и молчу, изгибаюсь и плачу, как ива,
Лежу океаном и жду прилива,
Лежу, единственно возможная,
Непреложная,
Элементарная или сложная –
Мороз по коже, внутри электричество...
Зачтётся или вычтётся...

Так всё же вещь я или как,
Настоящая баба, кукла живая,
Тяга гужевая или жду трамвая...
В горящую избу,
Плюс любую малость...
Путём игольного ушка,
Или что там ещё осталось...

Вот-вот проберусь, загружусь – и начнётся,
Читаю его, читаю, и всё оно не прочтётся,
Всё никак не усвоится это стопроцентное,
Невероятное, люминесцентное.
Ничего, наладится всё, излечится
Вечностью.

И вот встаю я, такая великая и красивая,
Стопроцентная,
Полная изначальною силою,
Живу, такая вот первоженщина,
Бита-не бита, венчана-не венчана,
Несказанная, божественная

Л Ю С И.

Каждый в ночи сер, каждый в ночи слон
тянет свою длань, ловит чужой сон
каждый чужой дню, только во тьме свой
Тает к утру зернь, делается весной

Каждый в ночи слон, каждый в ночи крот
если нашёл ключ или взломал код
Зыблется пустота, к сонной душе льнёт

Но потайной ход вывел его в день
Снова сирень

Светится всех сил огненная гора
катится весь мир золота-серебра

Смотришь из-под век, всенощный человек
прячешь в себе тишь, тянешь-стоишь

Но ничего нет

Прямо в глаза свет и в голове свет
Вставлен в тебя мир. Космос во рту твоём
Ты – лишь проём

Белый снег отдыха облетел,
Чёрный снег мартовский гол и бос.
Вечный Бах строится в темноте
И к утру сладит нам дивный мост,

У него лаковые края
И до дна сумрачный чуткий строй,
Чёрные сваи елей стоят,
Слух углубляется в лес густой.

Высота хора, где спрятан бас
И слова заперты на замок...
Не костяк мира возносит нас,
А орган, выросший из-под ног.

Высота хора, где спрятан Бог,
Город глядит на Него сквозь лёд,
Между домов, словно между строк,
Время плывёт...